

В. Слоон

**Новое жизнеописание
Наполеона I**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В. Слоон
В11 Новое жизнеописание Наполеона I: Том 2 / В. Слоон – М.: Книга по Требованию, 2015. – 600 с.

ISBN 978-5-458-55124-3

В. Слоон американский историк, профессор, написавший беспристрастную историю Наполеона. Он организовал работу группы историков в европейских архивах, дела которых, связанные с Наполеоном, лишь незадолго до этого были открыты для исследователей. Они критически проанализировали все события жизни великого полководца. Всплеск интереса к личности Наполеона вызвал множество публикаций: архивы издавали дипломатическую переписку Наполеона и другие комплексы документов, в журналах печатались монографические исследования, предавались огласке материалы личных архивов и издавались мемуары. Все это и позволило создать новую объективную и тщательно документированную историю Наполеона. В книге много портретов и иллюстраций.

ISBN 978-5-458-55124-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ціонный характеръ и значеніе народнаго представительства въ реорганизованной имъ правительственной системѣ; что въ результатъ получился фактической деспотизмъ подъ маскою республиканскаго либеральнаго режима. Испушеніе согласовать слово съ дѣломъ, т. е. дѣйствительность съ наименованіемъ, оказывалось въ высшей степени могущественнымъ. Такъ называемая республика, въ которой глава государства утверждалъ, будто управляетъ единственно лишь благодаря довѣрію къ нему народа, находилась въ полной готовности превратиться въ либеральную имперію подъ скипетромъ человѣка, который фактически располагалъ уже самой неограниченной властью.

Убіеніе герцога Энгіенскаго имѣло характеръ предварительнаго заявленія всѣмъ европейскимъ династіямъ и самому французскому народу о такой готовности. Поведеніе какъ упомянутыхъ династій, такъ и французскаго народа свидѣтельствовало, что они поняли означенный шагъ именно въ этомъ смыслѣ. Смертная казнь угрожала не только французскимъ подданнымъ, явившимся личными врагами перваго гражданина французской республики, но также и всякому внѣшнему врагу, будь то принцъ или крестьянинъ, если онъ осмѣлился злоумышлять противъ человѣка, котораго французы удостоили высочайшихъ почестей. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Бонапартъ и самъ искренно держался убѣжденія, будто происходящая отъ него династія окажется для обновленной Франціи если не единственной, то по крайней мѣрѣ надежнѣйшею охранительницей. Возможно, что онъ мечталъ объ имперіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, долженствовавшей обезпечить французамъ великія приобрѣтенія, достигнутыя революціей, и вѣрилъ въ возможность для самого себя преодолѣть инерцію, пораженную ужасающей скоростью, съ которою онъ мчался уже по стезѣ единовластія. Это представляется, однако, неправдоподобнымъ, если принять во вниманіе, что Наполеонъ, зная французовъ лучше чѣмъ кто-либо, замѣчательно вѣрно цѣнилъ ихъ патріотизмъ, восторженность, способность къ самопожертвованію, національную гордость, а въ особенности страстное желаніе занимать первое мѣсто среди другихъ народовъ. Бурбонамъ не удалось удовлетворить требованіямъ, вытекавшимъ изъ этихъ свойствъ національнаго французскаго характера, а потому французы относились къ этой династіи съ неуваженіемъ. Съ другой стороны, видя что Бонапартъ осуществитъ эти требованія, французы помогли ему достигнуть верховной власти и отнеслись совершенно равнодушно къ его поступку съ герцогомъ Энгіенскимъ. При такихъ обстоятельствахъ Наполеону было, безъ сомнѣнія, извѣстно, что, достигнувъ престола, онъ долженъ будетъ подняться еще выше.

Первый консулъ понималъ какъ нельзя лучше также гордую замкнутость старинныхъ европейскихъ династій. Съ извѣстной точки зрѣнія Ганноверскій, Гогенцоллернскій и Савойскій царственные дома могли считаться выскочками въ кругу этихъ династій. Тѣмъ не менѣе они вели свой родъ отъ мелкихъ державцевъ и дости-

женіе ими верховной власти не шло въ разрѣзъ съ традиціонными предразсудками: Россія считалась въ то время полуварварскою страной, а потому на происходившіе тамъ дворцовые перевороты остальная Европа привыкла смотрѣть съвозь пальцы. Франція находилась въ совершенно иномъ положеніи. Замѣна Бурбоновъ, самой старинной изъ династій, царствовавшихъ Божіей милостью въ Европѣ и на просвѣщенномъ Западѣ, гражданиномъ-королемъ низкаго происхожденія, основывавшимъ свои права на всеобщемъ голосованіи, и настоятельное требованіе очистить этому плебею мѣсто среди олимпійцевъ,—шли въ разрѣзъ съ самыми закоренѣлыми предразсудками всей консервативной Европы и бросали дерзновенный вызовъ прежней системѣ, которая одна только и представлялась возможною для многихъ милліоновъ умовъ. Приобрѣтеніе съ бою равноправности съ другими государями не было добровольнымъ выборомъ, а явилось неизбѣжной необходимостью. Нельзя было оставлять французовъ въ сомнѣніи относительно того, что выбранный ими монархъ въ правѣ занимать среди европейскихъ государей совершенно такое же мѣсто, какъ если бы происходилъ изъ самаго древнаго царственнаго рода августѣйшихъ помазанниковъ.

Таковы были условія, при которыхъ кораблю либеральной имперіи предстояло поднять паруса. Казалось неправдоподобнымъ, чтобы какой-либо кормчій могъ спасти этотъ корабль среди грозныхъ бурь, съ которыми ему неминуемо предстояло бороться. Бо-напарту это было сподручнѣе скорѣе чѣмъ кому-либо другому. И дѣйствительно въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ его судно плавало удачно и счастливо. При всемъ томъ для него не отыскивалось дружественныхъ портовъ, въ которые можно было бы зайти для починки. Переживъ какую-либо бурю, корабль Наполеона попадалъ сейчасъ-же въ другую, еще болѣе грозную, и подъ конецъ даже сверхчеловѣческіе таланты великаго полководца, который стоялъ у руля, не въ силахъ были спасти этотъ корабль отъ крушенія. Впрочемъ, даже и въ самомъ началѣ, знаменія не были до такой степени благоприятны имперіи, какъ это могло показаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что значеніе вызова, содержавшагося въ убійствѣ герцога Ангіенскаго, въ первое время поняли несравненно лучше за границей, чѣмъ въ самой Франціи. Промакъ, которымъ являлось это убійство, казался сперва не особенно существеннымъ. Во Франціи общественное мнѣніе немедленно же увлеклось обсужденіемъ вопроса о томъ, не лучше-ли признать консульскую власть наследственной и, по прошествіи какой-нибудь недѣли послѣ разстрѣлянія герцога, смерть его была предана тамъ, повидимому, полнѣйшему забвенію.

На это имѣлись весьма многочисленныя причины. Съ удаленіемъ генерала Моро въ ссылку недовольство въ арміи фактически прекратилось: какъ генералы, такъ и солдаты стали послѣ того гораздо послушнѣе. Бурбоны немедленно же принялись затѣвать новые заговоры, но до такой степени безуспѣшно, что европейскіе кабинеты и французскій народъ фактически перестали ими сколько-

нибудь серьезно интересоваться. Романизм во Франціи оказывался временно подавленнымъ. Вообще, въ 1803 году, Франція чувствовала себя совершенно обновленною. Церковь въ ней была реорганизована; армія питала искреннюю преданность къ Бонапарту, въ которомъ видѣла представителя націи; французская революція была такъ искусно согнута и подрѣзана, что въ достаточной степени согласовалось съ рамками самодержавнаго правленія. Французскіе законы были пересмотрѣны и собраны въ кодексъ, прежніе ордена и знаки отличія замѣнены новымъ орденомъ; финансы упорядочены и упрочены; система народнаго образованія обновлена; общественная и семейная жизнь направлены на новые пути, и все управленіе искусно централизовано. — Короче сказать, зданіе французскаго государственнаго и общественнаго организма было отъ основанія до вершины переустроено, починено, стянуто новыми сярѣнами и приведено приблизительно въ нынѣшній его видъ.

Французскій народъ, составившійся изъ послѣдовательныхъ наслоеній поселенцевъ и завоевателей, многократно вторгавшихся въ Галлію со временъ Юлія Цезаря, вполне объединился пройдя сквозь горнило французской революціи. Громадное большинство французовъ считало желательнымъ обезпечить результаты, добытые революціей, вѣривъ судьбы Франціи наследственной власти такой династїи, которая являлась бы представительницею революціонныхъ принциповъ. Было бы нелѣпо указывать на немногія тлѣвшія еще подъ пепломъ искры недовольства, какъ на характерныя черты тогдашняго положенія дѣлъ. Напротивъ того, объединенный французскій народъ, достигшій равноправности передъ лицомъ закона, гордился своими учрежденіями, — хотѣлъ примѣнять ихъ къ практической жизни и вовсе не желалъ какой-либо помѣхи въ мирномъ пользованіи построеннымъ для себя новымъ зданіемъ. За немногими исключеніями, французы были искренно убѣждены, что пламенное ихъ чувство патриотизма, къ обновленной Франціи, являлось въ сущности тождественнымъ съ безавѣтной преданностью человѣку, который помогаль ея возрожденію и приписываль себѣ починъ такового. Неоднократно уже ораторы и писатели, говоря о грандіозномъ великолѣпїи государственныхъ и общественныхъ учрежденій обновленной Франціи, употребляли для нихъ выраженіе „французская имперія“. Еще въ маѣ 1802 года австрійскій посоль слышалъ, какъ въ разговорѣ о первомъ консулѣ называли его „галльскимъ императоромъ“, а въ мартѣ 1803 года проживавшій въ Парижѣ джентльменъ-англичанинъ занесъ въ свой дневникъ слышанный имъ такой же эпитетъ.

Никого изъ французовъ поэтому не изумило и не поразило, когда въ мартѣ 1804 года сенатъ обратился къ первому консулу съ адресомъ, въ которомъ, отъ имени народа, предлагаль, чтобы Наполеонъ принялъ мѣры къ сохраненію „сынамъ содѣяннаго имъ для отцовъ“. Бонапартъ былъ какъ-разъ тогда всего менѣе популярнымъ: не прошло еще и недѣли со времени казни герцога Энгїенскаго; безтактный процессъ противъ Моро былъ какъ разъ

въ полномъ разгарѣ; немногіе истинные друзья этого генерала выставляли его жертвой профессиональной зависти перваго консула; противъ Джоржа Кадудала не было постановлено приговора, а Пишегрю находился еще въ живыхъ. Не смотря на это, почти всѣ французы съ нетерпѣніемъ ожидали провозглашенія имперіи. Одни руководствовались при этомъ причинами, высказанными сенатомъ, другихъ же подкупалъ частью драматической эффектъ такого шага, частью же нежеланіе вернуться къ режиму Бурбоновъ, или же къ террору. Извѣстно было, что сенатъ является послушнымъ орудіемъ перваго консула; напротивъ того, трибунатъ, не смотря на произведенныя въ немъ преобразованія личнаго состава, все еще пользовался общимъ уваженіемъ и популярностью. Для Бонапарта надлежало повтому устроиться такъ, чтобы формальный починъ провозглашенія имперіи исходилъ именно отъ трибуната. Къ концу апрѣля мѣсяца, когда прошло уже болѣе трехъ недѣль послѣ упомянутаго сенатскаго адреса, Бонапартъ уяснилъ себѣ, что армія и народъ согласны на такой шагъ, а со стороны Пруссіи и Австріи не будетъ предъявлено никакого протеста. Поэтому, 25 апрѣля, онъ подъялъ еще разъ щитъ революціи и объявилъ сенаторамъ, что, интересуясь ихъ намѣреніемъ обезпечить торжество равенства и гражданской свободы, былъ бы очень радъ обстоятельнѣе ознакомиться съ ихъ мыслями на этотъ счетъ. „Мнѣ-бы очень хотѣлось въ нынѣшнемъ году, 14 іюля, сказать французскому народу: „Пятнадцать лѣтъ тому назадъ вы въ благородномъ порывѣ устремились къ оружію, чтобы завоевать себѣ свободу, равенство и славу. Теперь эти важнѣйшія національныя сокровища прочно обезпечены и ограждены отъ всякихъ бурь, такъ что окажутся всецѣло сохраненными для васъ и для дѣтей вашихъ“.

Членъ трибуната, получившій за это приличный кушъ, внесъ 30 апрѣля 1804 года обстоятельно разработанный проектъ превращенія республиканской Франціи въ имперію. Тѣмъ временемъ, особая сенатская комиссія наведя уже справки у будущаго наследственнаго державца, какой именно титулъ предпочелъ бы онъ носить. Изъ трехъ, представленныхъ на его усмотрѣніе титуловъ: консула, штатгальтера и императора, Наполеонъ благоразумно избралъ послѣдній. Въ нашъ вѣкъ слово императоръ приобрѣло уже новый опредѣленный смыслъ, но тогда оно, по крайней мѣрѣ въ самой Франціи, сохраняло еще прежнее римское свое значеніе. Оно льстило профессиональной воинской чести, которая заступила въ арміи мѣсто восторженнаго увлеченія республиканскими принципами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожая въ конецъ демократическую форму правленія, провозглашеніе имперіи бросало также вызовъ и ролялизму. При такихъ обстоятельствахъ трибуны постановили, что Наполеону Бонапарту съ титуломъ императора, надлежитъ поручить управление Франціей и что императорская власть должна быть объявлена наследственною. Всего одинъ лишь изъ трибуновъ рѣшился предъявить протестъ противъ этого постановленія. Это былъ суровый республиканскій ветеранъ Карно, прежній покровитель Наполеона. Въ умѣренной, спокойной своей рѣчи онъ призналъ фактъ суще-

ствования во Франціи временной диктатуры и согласился, что республиканскія учрежденія его отечества сами по себѣ не отличались прочностью. Тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что если удастся сохранить внутренній и внѣшній міръ, то, подъ эгидою такового, выработается, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, политическое благоразуміе, являющееся единственной надежной гарантіей прочности государственныхъ учреждений. Не отрицая доблестей и талантовъ самого Бонапарта, Карно указывалъ, что отсюда нельзя еще сдѣлать никакихъ заключеній относительно свойствъ и качествъ его преемника. Извѣстно вѣдь, что Коммодъ былъ роднымъ сыномъ Марка-Аврелія. Какъ бы ни были велики заслуги отдѣльнаго частнаго лица, общественная благодарность за нихъ должна имѣть нѣкоторые предѣлы, а въ данномъ случаѣ предѣлы эти, по мнѣнію Карно, были уже достигнуты, такъ какъ перейти ихъ значило бы разрушить свободу, возстановленію которой такъ дѣятельно помогалъ самъ первый консулъ. Карно присовокупилъ, что если французскій народъ пожелаетъ того, чему онъ лично считаетъ своимъ долгомъ противиться, онъ самъ вернется въ частную жизнь и безпрекословно подчинится народной волѣ.

Законодательный корпусъ немедленно созванъ для осолобога совѣщанія и, на основаніи конститудіи, придавъ постановленію трибуната силу закона своимъ одобреніемъ. Со всей поспѣшностью, какую только дозволяли приличія, внесенъ былъ въ государственный совѣтъ проектъ новой имперской конститудіи. Онъ обсуждался при участіи самого Бонапарта, а затѣмъ былъ отосланъ на разсмотрѣніе въ сенатъ. Тамъ этотъ проектъ былъ принятъ 18 мая большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ четырехъ. Въ числѣ четырехъ опонентовъ оказался и аббатъ Сіейсъ, враждебно относившійся ко всѣмъ конститудіямъ, за исключеніемъ той, которая была выработана имъ самимъ. Въ тотъ же самый день сенатскій декретъ о провозглашеніи имперіи былъ отвезенъ къ первому консулу въ Сень-Клу, гдѣ и былъ утвержденъ и затѣмъ провозглашенъ съ соблюденіемъ всѣхъ надлежащихъ формальностей. Отсутствие дѣтей у самаго Наполеона представляло нѣкоторое затрудненіе для престолонаслѣдія, но затрудненія эти обошли, постановивъ для самаго Наполеона (но не для его преемниковъ) право усыновленія. Вслучаѣ еслибъ Наполеонъ скончался, не оставивъ послѣ себя никакого наслѣдника: ни естественнаго, ни усыновленнаго,—престолъ долженъ былъ перейти сперва въ семью Жозефа, а затѣмъ въ семью Люсьена, которые оба являлись императорскими принцами. За отсутствіемъ повода опасаться военныхъ бунтовъ или же революціоннаго террора, устранялись также и шансы къ возвращенію на французскій престолъ династіи, способной нарушить существовавшія тогда условія землевладѣнія.

Республиканская конститудія подверглась радикальнымъ преобразованіямъ, многія изъ которыхъ были прямо приведены въ дѣйствіе безъ предварительнаго обнародованія. Трибунатъ остался въ прежнемъ своемъ видѣ, но законодательный корпусъ былъ

раздѣленъ на три департамента: юридическій, административный и финансовый. Членамъ этого корпуса была до извѣстной степени предоставлена свобода слова и возможность обсужденія законопроектовъ, вносимыхъ на ихъ разсмотрѣнїе, но это обсужденіе должно было производиться исключительно только при закрытыхъ дверяхъ. Сѣнать сдѣлался чѣмъ-то вродѣ палаты лордовъ. Число сенаторовъ увеличилось шестью высшими государственными сановниками, шестнадцатью военными маршалами и нѣсколькими высшими должностными лицами гражданскаго вѣдомства. Въ подражаніе придворному штату германца Карла Великаго, котораго французы называютъ Шарлеманемъ, нѣкоторые изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ Наполеона получили титулы: великаго избирателя, имперскаго великаго канцлера, государственнаго великаго канцлера и великаго казначея. Другіе высше сановники, а именно коннетабль и великій адмиралъ, носили историческіе французскіе титулы. Они, наравнѣ съ императорскими принцами, признавались въ рангѣ высочествъ. Обращаясь къ кому-либо изъ нихъ, надлежало его называть „монсеньеръ“, или же „ваше высочество“. Принцевъ именовали „ваше императорское высочество“, а высшихъ государственныхъ сановниковъ „ваше свѣтлѣйшее высочество“. Самого императора надлежало титуловать „ваше величество“, или же „государь“. Въ распоряженіе его предоставлялся цивильный листъ въ двадцать пять милліоновъ франковъ. Содержаніе каждому изъ „великихъ“ государственныхъ сановниковъ было положено въ триста тридцать три тысячи франковъ. Камбасересъ былъ назначенъ канцлеромъ, Лебрень—казначеемъ, Жозефъ Бонапартъ—избирателемъ, Луи Бонапартъ—коннетаблемъ, а Фуше—министромъ полиціи. Талейранъ остался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Геральдическимъ девизомъ наполеоновской династіи избранъ былъ любимый символъ священной римской имперіи, а именно парящій орелъ.

Во всей этой бившей на эффектъ организаціи высшихъ чиновъ и должностей новой императорской Франціи не было ничего самобытнаго, за исключеніемъ званія маршаловъ, для котораго фактически не существовало никакихъ прецедентовъ. Во времена благоденствія имперіи эта высшая ступень военной іерархіи какъ будто служила къ упроченію государственнаго могущества, но во дни испытаній она оказалась для имперіи весьма реднымъ элементомъ. Списокъ маршаловъ былъ составленъ весьма искусно, вполне обезпечивалъ симпатіи арміи. Журданъ, успѣшно умиротворившій Пьемонтъ въ качествѣ консульскаго легата, назначенъ былъ маршalomъ за побѣду, одержанную въ 1794-мъ году подъ Флерусомъ. Такимъ образомъ его приверженность къ республикѣ была вознаграждена и въ тоже время окончательно подавлена. Бертье удостоился производства въ маршалы за превосходное выполненіе должности начальника штаба, Массена—за блестящую храбрость подъ Риволи, побѣду подъ Цюрихомъ и стойкую оборону Генуи, Ожеро, тоже бывшій демократъ—за побѣду подъ Кастильоне, Брюнъ—за голландскую кампанію противъ герцога Юрскаго, Даву—за

блестящіе подвиги въ Египтѣ, Ланнѣ и Ней.— за храбрость, выказанную во многихъ сраженіяхъ, Мюратъ—въ качествѣ лихого кавалерійскаго генерала, Бессьеръ—какъ командиръ гвардіи, Бернадоттъ, Султъ, Монсей и Мортъе—въ виду политическихъ соображеній и благодаря репутаціи, которою они пользовались, какъ хорошіе генералы.

Предлагали избрать девизомъ новой имперіи „покоющагося льва“, но Наполеонъ не считъ возможнымъ согласиться на этотъ девизъ. Вообще онъ старался объ установленіи различія между „государствомъ“, подъ которымъ, безъ сомнѣнія, подразумѣвалась Франція съ ея естественными границами, и „имперіей“, очевидно, долженствовавшей быть чѣмъ-то инымъ, болѣе широкимъ. Покоющійся левъ, разумѣется, могъ бы служить гербомъ для самой Франціи, но парящій орелъ являлся болѣе подходящимъ девизомъ для имперіи, которая, подобно царству Карла Великаго, не должна была призывать никакихъ „естественныхъ“ предѣловъ своему расширенію.

Наиболѣе непосредственнымъ видимымъ знаменіемъ новаго порядка вещей была радикальная перемѣна въ общемъ характерѣ тюльерійской придворной жизни. Дворецъ не былъ уже переполненъ, какъ прежде, дѣльными, но неуклюжими людьми, не умѣвшими какъ слѣдуетъ подойти, поклониться и отойти назадъ, и чувствующими себя неловко въ блестящихъ придворныхъ костюмахъ. Зато тамъ не было и людей, которые, получивъ болѣе точечное воспитаніе, смѣялись надъ отсутствіемъ производнаго лоска у новичковъ. Взамѣнъ этого былъ тщательно организованъ придворный штатъ, управлявшійся строжайшимъ этикетомъ. Вскорѣ всѣ придворные чины выучились держать себя съ достаточной ловкостью и надлежащимъ достоинствомъ. Фешъ былъ назначенъ великимъ раздавателемъ милостины, Дюрокъ—оберъ-гофмаршаломъ, Талейранъ—оберъ-камергеромъ, Бертъе—егермейстеромъ, а Коленкуръ



Луи-Александръ Бертъе, князь Нефшательскій и Ваграмскій.

Съ Картины Гро.

— шталмейстеромъ. Многие изъ вернувшихся эмигрантовъ уже и передъ тѣмъ припрятали аристократическую свою гордость со всѣми традиціонными предразсудками и поступали на службу консульскаго правительства. Они и многие другіе, у которыхъ обнаружилась тоже достаточная гибкость политическихъ убѣжденій, толпились теперь при императорскомъ дворѣ, при которомъ охотно занимали даже самыя скромныя должности. Для обезпеченія императорскому двору надлежащаго церемоніала назначили графа Сегюра (бывшаго посланника Людовика XVI при русскомъ дворѣ), высшимъ судьей придворнаго этикета. Чтобы блистать при новомъ императорскомъ дворѣ, необходимо было предварительно усвоить себѣ правила придворнаго этикета и присутствовать при многочисленныхъ репетиціяхъ придворныхъ выходовъ. Г-жу Кампанъ, бывшую статсъ-даму королевы Маріи-Антуанетты, пригласили къ императорскому двору именно для того, чтобы воспользоваться ея опытностью. Она должна была закрыть недавно организованное высшее учебное заведеніе для молодыхъ дѣвицъ и посвятить все свое время обученію многочисленныхъ представительницъ старинной и новой аристократіи изящнымъ придворнымъ манерамъ и обычаямъ.

Въ заключеніе не забыли и сдѣлавшагося уже традиціонной формальностью обращенія къ народу, приговору котораго будто бы приписывалось рѣшающее значеніе. Вопросъ, по которому требовался плебисцитъ, заключался, впрочемъ, единственно лишь въ томъ: долженъ-ли императорскій престолъ быть наследственнымъ въ семьѣ императора? Само собой разумѣется, что на него отвѣтили утвердительно подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Изъ трехъ съ половиной милліоновъ всего лишь двѣ съ половиной тысячи отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ. Слѣдуетъ признать, однако, знаменіемъ времени, что въ числѣ этихъ, сравнительно столь малочисленныхъ, оппонентовъ, оказались всѣ парижскіе адвокаты и юристы, за исключеніемъ трехъ.

Парижская чернь оставалась, повидимому, равнодушной, но это слѣдовало приписать преимущественно тому обстоятельству, что превращеніе республики въ имперію не составляло уже для парижанъ новинки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ обнаруживалась тоже холодность, но нельзя сказать, чтобы она обуславливалась политическими убѣжденіями. Поль-Луи Курье, служившій тогда артиллерійскимъ офицеромъ въ войскахъ, занимавшихъ неаполитанское королевство, очень характерно описываетъ впечатлѣніе, произведенное въ его полку извѣстіемъ о провозглашеніи Наполеона императоромъ: „Полковникъ созвалъ офицеровъ и безъ всякихъ предварительныхъ замѣчаній, или же объясненій, предложилъ подать голоса по вопросу: что имъ болѣе нравится: „императоръ или республика“? Приблизительно съ четверть часа всѣ молчали. Подъ конецъ одинъ молодой поручикъ воскликнулъ: „Если ему угодно быть императоромъ, пусть будетъ, но мнѣ лично это не нравится!“ — „Потрудитесь объяснить ваше мнѣніе“, сказалъ полковникъ. — „Я не расположенъ объяснять“. — „Ну, и прекрасно!“ Снова водворилось

молчаніе, въ продолженіи котораго офицеры поглядывали другъ на друга съ такимъ изумленіемъ, какъ если бы передъ тѣмъ никогда не видались. Это могло бы продолжиться неопредѣленное время, когда бы я не рѣшился въ свою очередь высказать мое мнѣніе. „Господа,—заявилъ я моимъ товарищамъ,—быть можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что это дѣло до насъ не касается. Если народу угодно обзавестись императоромъ, то вѣдь намъ не подобаетъ принимать на себя роль судей надъ образомъ дѣйствій Франціи“. Доводы эти показались до такой степени убѣдительными, что всѣ офицеры, сидѣвшіе до тѣхъ поръ въ состояніи самаго глубокаго недоумѣнія, встали, изъявили свое согласіе на перемѣну формы правленія и немедленно же отправились изъ гостиной, гдѣ происходило совѣщаніе, въ общую залу трактира—играть на биллиардѣ.—Клянусь честью,—сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей,—вы говорите, какъ Цицеронъ, но на кой прахъ угодно вамъ, чтобы онъ былъ императоромъ?—Да вѣдь надо же было, наконецъ, чѣмъ-нибудь покончить! Не вѣс же намъ было сидѣть тамъ! Играть на биллиардѣ все-таки занятнѣе, чѣмъ хлопать глазами. Ну, а вамъ-то развѣ не хочется, чтобы онъ носилъ императорскій титулъ?—Какъ бы вамъ сказать? Мнѣ всегда казалось, что онъ заслуживалъ лучшей участи“. Отвѣтъ этотъ никоимъ образомъ нельзя признать нелѣпнымъ. Такого человѣка, какъ онъ,—Бонапарта,—величайшаго полководца въ мірѣ—и вдругъ стануть называть ваше величество! Быть Бонапартомъ и обратиться просто въ „государя“, подобно какому-нибудь ничтожному германскому державцу, значило несомнѣнно понизиться въ рангѣ. Понятное дѣло, что онъ самъ думалъ возвыситься, ставя себя на одну доску съ коронованными особами. Титулъ нравится ему больше, чѣмъ громкая слава его имени... Бѣдняга! Идеи стоятъ у него далеко ниже уровня подвиговъ“. Таковы были разсужденія блестящаго эллиниста, которому мы обязаны открытіемъ замѣчательнаго отрывка древней греческой поэмы „Дафнисъ и Хлоя“.

Интереснымъ указаніемъ на способы собиранія голосовъ при этомъ плебисцитѣ можетъ служить письмо Фабріе (впослѣдствіи наполеоновскаго генерала, бывшаго тогда воспитаникомъ мецской военной школы. Начальство предложило кадетамъ подписать адресъ, приглашавшій перваго консула провозгласить себя императоромъ. Большинство кадетъ отказалось, но помощникъ директора тѣмъ не менѣе рѣшилъ донести, что упомянутый адресъ одобренъ ими единогласно. Кадеты выбрали тогда изъ своей среды нѣсколькихъ депутатовъ, чтобы предъявить на это жалобу, но депутація ихъ была арестована, якобы за нарушеніе дисциплины, обнаружившеяся тѣмъ, что она осмѣлилась объясняться прямо съ директоромъ. Чтобы высвободить своихъ товарищей изъ подъ ареста, прочіе недовольные рѣшились уступить и подписали требуемый документъ.

„Высадна въ Англію“.

Въ 752 году Пелинъ Короткій освѣдомился у папы Захарія: кто долженъ считаться законнымъ государемъ: номинальный-ли король, или же лицо, обладающее на самомъ дѣлѣ верховной властью? Папа отвѣчалъ: „Король тотъ, кто располагаетъ властью“. Этотъ теоретическій взглядъ выразился на практикѣ признаніемъ римскими папами законности водворенія Каролинговъ на франкскомъ престолѣ, которое и было санкціонировано короноваціемъ Пепина папою Бонифаціемъ. Полвѣка спустя, папа Левъ III, въ силу произвольно приписаннаго себѣ римскими первосвященниками и признававашагося ихъ паствою авторитета, утвердилъ ту же династію въ императорскомъ достоинствѣ, возложивъ на голову Карла Великаго императорскую корону. Это достопамятное событіе совершилось какъ разъ въ Рождество 800-го года нашего лѣтосчисленія. Немногимъ болѣе тысячи лѣтъ послѣ того, а именно въ началѣ мая 1804-го года, предложено было намѣстнику св. Петра совершить обрядъ помазанія на царство надъ другимъ западнымъ императоромъ: на этотъ разъ уже не по собственной своей волѣ и не въ Вѣчномъ Римѣ, а по требованію императора и въ Парижѣ, унаслѣдовавшемъ славу и традиціи классической древности. Безсильный и слабохарактерный римскій первосвященникъ почувствовалъ себя до чрезвычайности несчастнымъ, получивъ такое приглашеніе. Папа оплакивалъ смерть герцога Энгіенскаго, кромѣ того, теперь возникалъ передъ нимъ вопросъ: вправдѣ-ли онъ санкціонировать замѣщеніе древней царственной династіи Бурбоновъ, всегда отличавшейся преданностью католицизму, хотя бы даже и весьма талантливымъ вискочкой, за религиозныя убѣжденія котораго никоимъ образомъ нельзя поручиться? Тѣмъ не менѣе конкордаты были заключены сравнительно лишь недавно. Папа могъ безъ сомнѣнія надѣяться, что уступчивость въ данномъ случаѣ доставитъ ему многія, давно желанныя выгоды. Дѣло въ томъ, что легатства, принадлежавшія когда-то папскому престолу, входили теперь въ составъ Итальянской республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ папская власть не получила никакого вознагражденія за Авиньонъ и Карпантрасъ, формально уступленные Франціи по Толентинскому миру въ 1797 г.

Наконецъ данъ былъ утвердительный отвѣтъ. Папа изъявилъ готовность пріѣхать „для блага религіи“, если присланное ему приглашеніе будетъ мотивировано именно такимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду на пересмотръ органическихъ статей конкордата и на смѣщеніе епископовъ, подчинившихся конституціи въ противность предписаніямъ римской курии. Въ числѣ другихъ менѣе существенныхъ требованій папа выставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ему ни подъ какимъ видомъ не представляли г-жу Талейранъ. Изъ благодарности за конкордаты папа отиѣнилъ отлученіе отъ церкви, постановленное противъ бывшаго отенскаго епископа, и разрѣшилъ ему „заняться мирскими дѣлами“, но тѣмъ не менѣе до чрезвычай-